

Глава XII. Гарсия Оливер, Ларго Кабальеро и марокканская проблема

Когда прессе стало известно о выступлении Дуррути, то газеты приняли его по-своему, в зависимости от их политического направления. Коммунисты и социалисты заметили в этой речи всего лишь призыв Дуррути о «поставке оружия на фронт». И вокруг этой темы, в частности, пресса ОСПК развязала настоящие атаки на «бесконтрольных»: они якобы бойкотировали линии фронта, удерживая в тылу винтовки и боеприпасы, когда в них нуждались в траншеях для борьбы с фашизмом. После нападков на Комитеты обороны, хотя и не называя их, принялись за профсоюзы и процессы коллективизации, объявляя, что сейчас не время для «утопических экспериментов» на экономической почве и что необходимо гарантировать производство путём эффективных методов управления. «Также не говорилось о том, что настал час не для революции, а для защиты республиканской законности, оказавшейся в опасности по вине фашизма»¹³⁷.

Первыми, кто отреагировал на эту кампанию, были Комитеты обороны Барселоны, которые провели широкое собрание и опубликовали манифест:

«Пока революция не решит проблему политической власти и будут существовать вооружённые силы, подчиняющиеся правительству Мадрида и не стоящие под контролем рабочих, группы обороны не сложат оружие, потому что они составляют защиту и гарантию завоеваний революции»¹³⁸.

Solidaridad Obrera, со своей стороны, не отреагировала на нападки на Комитеты обороны, однако выступила в защиту коллективных хозяйств. В газете говорилось, что применение политики атак на рабочие завоевания не приведёт ни к чему иному, кроме как к поражению, так как противостояние фашизму основывалось на революционном энтузиазме рабочего класса. Если войну лишить революционного характера, ни один рабочий не пожелает рисковать жизнью за правительство, стоявшее у власти до 19 июля¹³⁹.

Именно в дни развязавшейся полемики рабочие Сабаделя, посёлка в окрестностях Барселоны, обнаружили склад оружия в здании ОСПК этой местности. Оно ранее принадлежало гарнизону «Карл Маркс» каталонской столицы. Профсоюзы, предостережённые предупреждением Дуррути, послали в Бухаралос комиссию на переговоры с Военным комитетом и оповещение его о находке. Новость широко распространилась среди «милисьянос», и Комитеты центурий приняли решение послать

ультиматум Центральному комитету антифашистских милиций Каталонии, с тем чтобы этот организм возвратил военное снаряжение, вывезенное с линии фронта.

В колонне «Дуррути» положение было взрывоопасным. Военный комитет позвонил Сантьягу и Рикардо Сансу, ответственным в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии, требуя, чтобы это оружие немедленно было возвращено. Сантьяган, знавший, что угроза Комитетов центурий прибыть в Барселону и самим разрешить этот вопрос не была пустыми словами, а представляла из себя огромную опасность, сразу же связался с комитетом гарнизона «Карл Маркс». Он предупредил, что если оружие, привезённое с линии фронта, не будет возвращено, налицо была опасность вооружённого столкновения. В силу ли того, что на самом деле они испугались, или же не предусмотрели военного столкновения, вернули восемь пулемётов, хранившихся в Сабаделе¹⁴⁰.

Таковым было положение в Барселоне, когда 15 сентября Испанию впервые посетил Генеральный секретарь МАТ (Международной ассоциации трудящихся), в состав которой входила НКТ. До тех пор Пьер Беснард с позиции секретаря МАТ ограничивался принятием и разрешением вопросов, которые поднимала НКТ перед лицом Международного секретариата. Но когда он констатировал регрессивный характер революции в Испании, то отказался от прежней тактики рекомендаций в переписке, с тем чтобы лично вмешаться в испанские события. Прибыв в Барселону, Беснард встретился с Региональным комитетом НКТ в Каталонии и членами этой организации в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии. Он заявил, что единственным способом высвободить испанскую революцию из болота, в которое его затянул Леон Блюм, была интернационализация её борьбы. Для этого он в подробностях изложил план восстания племён в Марокко (Испанский протекторат), которое должно было начаться после побега Абд-эль-Крима¹⁴¹, с 1926 года пребывавшего на острове Реуньон в изгнании благодаря французам.

Этот план должен был претвориться в жизнь вместе с революцией в Португалии, союзницы Франко. Что касается Португалии, то Беснард сказал, что поддерживал контакт с оппозицией в этой стране и что она имела план выйти на улицы с протестами. Что среди заговорщиков также находилась Всеобщая конфедерация трудящихся, входящая в состав МАТ. Она предлагала, вместе с политической оппозицией, восстать против диктатуры Саласара. Пьер Беснард придавал большое значение этим двум инициативам и считал, что они окажут благоприятное влияние на испанскую революцию. В заключение Беснард указал, что перед тем, как выехать из Парижа, он встретился с Леоном Жуо и другими социалистами, бывшими в оппозиции политике «невмешательства» Леона Блюма, и что они попросили от их имени поговорить с Ларго Кабальеро и убедить его сделать официальное заявление, в котором испанское республиканское правительство объявило бы о независимости ЭрРифа и всего испанского протектората¹⁴².

Гарсия Оливер сказал Пьеру Беснарду, что надо проанализировать эти данные и что он рекомендовал пригласить Дуррути для обмена мнениями. Он позвонил по телефону Дуррути, и тот сразу приехал в Барселону. На собрании Гарсия Оливер сообщил о своих действиях и контактах с марокканцами с июля месяца и что они шли в оптимальном ритме. Марокканский комитет действия (МКД) намеревался послать в Барселону делегацию для обсуждения сотрудничества этой организации с республиканским правительством с целью

борьбы против повстанцев.

Пьер Беснард в своих свидетельствах на эту сложную тему, проконсультированных нами, заострял внимание на разногласиях Дуррути и Сантильяна с Гарсией Оливером в отношении Марокканского вопроса, ничего не упоминая о работе Гарсии Оливера с комитетом под началом Эль Фасси. Согласно документам, которыми мы располагаем, нам трудно прийти к выводу, что генеральный секретарь МАТ ничего не знал об этих действиях, и поэтому мы указали выше, что на том собрании Гарсия Оливер изложил о проделанной работе. В силу того, что свидетельство Беснарда не всегда достаточно ясно, мы думаем: когда он утверждает, что Дуррути и Сантильян склонялись к варианту с участием Абд-эль-Крима, то мы понимаем это в том смысле, что участие марокканского лидера в изгнании считалось более действенным, чем деятелей из Феса, но это не означает, что вариант с Абд-эль-Кримом был предпочтительнее Эль Фасси. Причина была очевидной. Деятели Феса находились на свободе и за час на самолёте могли добраться до Барселоны, в то время как Абд-эль-Крим находился под надзором и за тысячи километров от Рифа. Принимая во внимание позицию французов по отношению к Марокко, и более конкретно, к Абд-эль-Криму, проект Пьера Беснарда, несмотря на симпатии среди социалистов, стоящих в оппозиции политике Леона Блюма, оставался в рамках желанийхимеры, с весьма маловероятными шансами на успех.

Важным достижением упомянутого собрания (и это является действительно значительным в нашем случае) являлось то, что был обозначен фундаментальный аспект: участие Абд-эль-Крима, как и Марокканского комитета действия, было связано с декларацией испанского правительства о независимости Марокко. Принимая во внимание характер Пьера Беснарда и поддержку французских социалистов и самого генерального секретаря ВКТ Франции, если бы удалось добиться интереса Ларго Кабальеро к марокканскому вопросу, то это продвинуло бы проект восстания племён Эр-Рифа. Для оптимального результата встречи Беснарда с Ларго Кабальеро Гарсия Оливер осведомил Луиса Компаниса о предстоящей беседе и её целях, а тот информировал Ларго Кабальеро о теме встречи с Беснардом и о том, что эти вопросы имели большое значение для дела республики.

16 сентября Пьер Беснард вылетел в Мадрид, но ввиду плохой погоды самолёт сделал вынужденную посадку в Валенсии и смог подняться в воздух лишь 17 сентября. Он прибыл в столицу Испании приблизительно в полдень, то есть со значительным опозданием по отношению к указанному Ларго Кабальеро времени встречи. Действительно, задержка была налицо, но нужно было иметь в виду обстоятельства, а не искать предлога для упреков. Как мы увидим, именно так поступил Ларго Кабальеро с намерением уклониться от встречи.

Как только Пьер Беснард прибыл в Мадрид, он пришёл в министерство обороны. Ему доложили, что председатель Совета Министров не сможет принять его ввиду отсутствия. Тогда Беснард обратился в Национальный комитет НКТ, и там назначили Федерику Монтсени, как сопровождающую. В 17:00 Ларго Кабальеро принял Федерику Монтсени и Пьера Беснарда, но весьма в плохом настроении — по причине «недавних разногласий с НКТ». Намерение Ларго Кабальеро представлялось ясным, так как под предлогом плохого настроения он пытался избежать обсуждения проекта в Марокко. Федерика Монтсени также резко ответила Ларго Кабальеро, в том смысле, что жизненно важные вопросы не терпели

промедления под предлогом «каких-то разногласий». Такая позиция Федерики подействовала на лидера социалистов, и на первый взгляд он успокоился, но беседы не продолжил, а назначил встречу на 18 сентября, 16:00.

18 числа в 16:00 Пьер Беснард, на этот раз в сопровождении Давида Антона, ожидал в приёмной. Оба были вынуждены ожидать до 17:00, пока их примут¹⁴³. Приём был холодным и даже невежливым. Без предисловий Ларго Кабальеро отказался обсуждать что-либо с секретарём МАТ, добавляя, что его ужасали осложнения. Беснард, отвечая, прибегнул к такому же тону и сказал, что НКТ — организация рабочих такой же степени важности, что и ВСТ, и, быть может, даже более значительная, — входила в состав международного союза, и он являлся её секретарём. Наверное, в силу того, что Ларго Кабальеро не ожидал подобного уточнения, а также отдавая себе отчёт в собственном высокомерии, но успокоился и изменил тон, однако всё же было ясно, что такой важный разговор требовал иной психологической атмосферы. Было ли всё это случайным и непредсказуемым? Есть причины считать, что со стороны Ларго Кабальеро поведение было преднамеренным. В силу того, что собеседники даже не приступили к обсуждению темы, и если кто-либо из его французских коллег и упрекнул бы его, он всегда смог бы сослаться на полное невежество в отношении вопроса. «Мы расстались, — пишет Беснард, — после едкосладкого обмена словами». Присутствовавший при встрече Давид Антона информировал остальных членов Национального комитета об инциденте, которые по словам Беснарда, «взяли произошедшее на заметку без особой реакции». Принимая всё это во внимание, Пьер Беснард отредактировал открытое письмо в адрес Ларго Кабальеро, и Национальный комитет обязался опубликовать его. Оно не затрагивало ключевых пунктов, но ставило точки над «и», что касалось отношений взаимного уважения между НКТ и ВСТ¹⁴⁴. Возвратившись в Барселону, Беснард рассказал Гарсии Оливеру о поведении Ларго Кабальеро. Его рассказ крайне озаботил Гарсию Оливера, так как именно в те дни в Барселону прибыла делегация Комитета Марокканского действия для обсуждения вопроса об испанском протекторате.

Когда Беснард сел в кресло самолёта курсом на Париж, то сделал в своём дневнике такую запись о визите в Испанию:

«Революция делает шаг назад по вине не народа, так как он сражается с невиданным энтузиазмом, а его руководителей, которые буксуют события, показывая своими действиями, что потеряли революционную инициативу и согласны с унижительным обращением, подобным тому, которое я пережил с Ларго Кабальеро. Если анархизм совершит глупый поступок сотрудничать с Ларго Кабальеро или просто поддерживать его, революция погибнет безнадежно. Единственным способом для анархизма выйти из этого зловещего круга является испытание на прочность. Однако я задаю себе вопрос: сегодняшние руководители НКТ — те же самые люди, кто действовал 19 июля? Единственный, кто не входит в круг таких сомнений, — это Дуррути, настоящий революционер, который во многом напоминает мне Нестора Махно. Как и тот, он действует вместе с народом, не отделяясь от него, чем отличается от других анархистских руководителей».

Во многом Беснард считает Дуррути «выше украинца», особенно в «его самообладании»¹⁴⁵.

Читая написанное Беснардом, мы видим, что перед тем, как возвратиться во Францию, он смог побеседовать в Барселоне с Дуррути, хотя и весьма немного. Эта спешка была связана с тем, что в секторе, занимаемом колонной, перед Сарагосой атаковал противник, и Дуррути срочно вызвали на линию фронта. Тем не менее Дуррути уделил достаточно времени, чтобы обсудить с Беснардом вопрос вооружения колонны, и поручил секретарю МАТ сделать всё возможное, чтобы наладить контакт с каким-либо ружейным производителем, готовым поставить им современное оружие в большом количестве.

В то время как Дуррути выехал на линию фронта Арагона, Гарсия Оливер посвятил себя работе на дипломатическом фронте, встречаясь с лидерами националистического арабского движения, представителями Комитета Марокканского действия, которые прибыли в Барселону.

Первый контакт с арабскими националистами, как мы ранее писали, произошёл в конце июля. Националистский центр в Женеве установил связь с Фесом и Тетуаном (два центра МКД). В то время как лидеры арабского националистского движения обсуждали предложение Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии, в Фесе произошла случайная встреча двух французов — Роберта Лузона и Давида Руссе. Первый являлся делегатом НКТФАИ для установления контактов, а второй находился в Фесе в качестве делегата французского отдела IV Интернационала¹⁴⁶.

Влияние этих двух активистов ускорило отправку первой делегации МКД в Барселону под началом молодого деятеля Абдельялка Торреса. Вот что пишет об этом Гарсия Оливер:

«Я помню, что одного из марокканских делегатов, с которым мы так хорошо поладили, что он даже посылал мне ежегодное поздравление с Новым годом, звали Торрес; думаю, он был сыном одного из марокканских лидеров. Я объяснил им мой план, они выслушали внимательно: Центральный комитет милиций предлагал оружие и деньги для всеобщего восстания в Марокко против военных Франко и с целью восстановления независимости страны; они могли в любой момент запросить у меня любые гарантии, какие могли счесть необходимыми. Они не обсудили ни одного из пунктов, сказав мне, что их миссия состояла в том, чтобы выслушать мои пожелания и предложения и что она завершилась; что теперь им нужно было возвратиться к себе, чтобы доложить обо всём в МКД, который в этом вопросе являлся представителем Панисламского комитета, так как Марокко было первой ступенью в испанской проблеме».

На 20 сентября наметили третий этап этих переговоров, и ответственным за их проведение был Гарсия Оливер, только что проводивший Беснарда из Испании. Однако вернёмся к тому же источнику информации:

«Делегаты МКД вернулись и высказали свою точку зрения на мои конкретные предложения по поводу экономической помощи и поставок вооружения для борьбы в Марокко с военными и защиты своей страны. Они изложили свою позицию и идеи:

1. В эти моменты они не соглашались с независимостью Марокко, потому что, по их словам, эта независимость повлечёт за собой господство Италии или Германии над Марокко,

которое они считали хуже, чем испанское.

2. Следовательно, они желали для Марокко статуса автономии, похожего на тот, который Англия предоставила Ираку после Первой мировой войны.

3. Если мы принимали два предыдущих пункта, то они были готовы подписать соответствующий документ о Пакте, причём он входил в силу после того как мы добьёмся следующего:

а) Правительство Испанской Республики одобрит упомянутый пакт;

б) Правительство Испанской Республики добьётся, чтобы этот договор был одобрен правительством Франции.

Естественно, — продолжает Гарсия Оливер, — эти предложения изымали из сферы нашего революционного влияния саму проблему — как марокканскую, так и панисламскую. Они ставили её в существенно консервативную и легалистскую область. Я неоднократно выразил им мою точку зрения: обстановка в Испании носила революционный характер, и в случае победы, как все мы ожидали, она непременно повлияла бы на наши международные отношения, включая Марокко. Поэтому я посоветовал делегатам МКД встать на революционную позицию и тотчас же одобрить сам факт, а затем законное право сыграет свою роль. Однако представители арабского мира, который всё ещё отдыхал на извечной сиесте подчинения западным державам, застряли на консервативной ориентации данного им мандата: сначала законное право, а уж затем — сам факт.

Тем не менее я счёл нужным сохранить робкие надежды на какуюлибо возможность в результате непредвиденных обстоятельств в будущем и не пошёл на провал переговоров. Напротив, я ускорил их, дав согласие на подписание документа, содержащего все точки зрения и условия, причём устно выразив мои соображения, что содержание пункта б) полностью аннулировало весь договор; это условие откладывало *sine die* возможность независимости Марокко. Было принято решение: на следующий день подписать документ Пакта в трёх оригиналах: один для ЦКАМ Каталонии, который я взял бы на хранение; другой — для правительства республики и третий — для МКД. Церемония прошла в обстановке торжественности, о чём я позаботился, в Тронном Зале здания Военного губернаторства Барселоны, в присутствии трёх делегатов МКД, полного состава делегатов ЦКАМ Каталонии и всех генеральных секретарей и председателей организаций и партий, входящих в состав ЦКАМ, которые также подписали соглашение. Была сделана фотография всей группы участников, на ней стояли подписи, и она хранилась у меня»¹⁴⁷.

Предполагая, что правительство Испанской Республики могло бы одобрить это соглашение, МКД брал на себя обязанность организовать восстание в Марокко против Франко, воспрепятствовать набору арабов в подразделения повстанцев на территории протектората и, наконец, организовать кампанию деморализации среди арабских частей, которые сражались на полуостровной Испании против Испанской Республики.

С целью донести эту информацию до сведения правительства Мадрида Центральный комитет антифашистских милиций назначил делегацию, которая не только должна была

информировать о подписанном пакте, но и привести доводы в его пользу. Такими делегатами были: Аурелио Фернандес от НКТ-ФАИ, Рафаэль Видьела от ВСТ и ОПКС; Хауме Миравитлес — от «Левых республиканцев Каталонии» и Хульян Горкин — от ПОУМ. В Мадриде делегация сразу встретилась с министром морского флота Индалесио Прието. Когда он узнал о произошедшем, то сказал:

«Я согласен с подписанным договором и готов защищать его на ближайшем заседании Совета Министров. А также просить о принятии займов для закупок оружия для этих марокканцев. И если их борьба в испанском Марокко повлияет на положение во французском, тем лучше».

Встреча с Ларго Кабальеро не была столь оптимистичной. Родольфо Льопис, занимавший должность генерального секретаря главы правительства и министра обороны, взял на себя обязанность представить делегацию премьер-министру:

«Кабальеро встретил нас стоя и после моего краткого изложения ситуации лаконично воскликнул: “Но вы представляете автономный регион, и у вас нет полномочий ни для ведения переговоров, ни для подписания договоров и пактов. Идите за этими марокканскими делегатами, и пусть они поговорят со мной, а там посмотрим”¹⁴⁸.

Речь тут не шла о самолюбии, защищая которое могли бы сойти на нет все усилия. Мы передали марокканской делегации, что Ларго Кабальеро желал вести переговоры напрямую с ними». Марокканская делегация встретилась с Ларго Кабальеро, и затем сами марокканцы сообщили о результатах этой встречи Давиду Руссе. Он рассказывает:

«В Мадриде (марокканская делегация) встретилась с Ларго Кабальеро, на него было оказано сильное давление со стороны Парижа и Лондона. Париж и Лондон, которые уже были осведомлены (как? Я не знаю, но это являлось естественным и неизбежным) об этом проекте, были крайне враждебно настроены. Что касается Парижа, то это вполне понятно, потому что правительство Леона Блюма наверняка задавало себе вопрос о том, что могло бы произойти если бы Эр-Риф на самом деле добился бы независимости. Таким образом, испанское правительство объяснило арабской делегации, что оно не могло ратифицировать соглашение, подписанное в Барселоне, но было готово предоставить денежные средства и оружие, с тем чтобы на территории испанского протектората велись действия против Франко. Здесь, — комментирует Давид Руссе, — мы сталкиваемся с поведением марокканской делегации. Если бы я был в те моменты рядом с ними, то, должен сказать, попытался бы уговорить их на принятие средств для таких действий, но такого не случилось. Марокканская делегация повела себя как представительница буржуазного движения, которая не желает предпринимать никаких мер, если ей не дадут все необходимые политические гарантии. Они ответили Ларго Кабальеро, что “не являлись агентами Второго бюро. Что были готовы тотчас же перейти к действиям в рамках договора, подписанного в Барселоне”, что он не являлся ничем иным, кроме как пактом подобному франко-сирийскому договору»¹⁴⁹.

Завершим эту важную и неизвестную главу в истории испанской революции, где различные свидетели, опрошенные в разные моменты, совпадают почти полностью в изложении одного

и того же факта, что весьма редко встречается в истории. Итак, вот свидетельство Аллаль Эль Фасси — одного из марокканских делегатов:

«...Делегация испанских республиканцев прибыла в Женеву с целью наладить контакт с эмиром Шакибом Арсалане и проанализировать вместе с ним этот вопрос. Эмир сообщил им, что только наш комитет (МКД) был в состоянии осуществить этот проект — естественно, в том случае, если его требования удовлетворялись. Наша делегация была принята в сентябре 1936 года каталанским правительством, в стиле официального приёма профессиональных дипломатов. Беседа прошла в духе взаимопонимания и уважения (...). Однако усилия каталонских представителей оказались бесполезными, и соглашение осталось мёртвой буквой».

Причины этого объясняет сам Аллаль эль Фасси:

«После совместного обсуждения вопроса министр иностранных дел Мадридского правительства (наша заметка: Хулио Альварес дель Байо) выказал весьма сдержанное отношение и попросил отложить решение до тех пор, пока не проведут должные консультации с правительством Франции. Позднее, — продолжает Аллаль эль Фасси, — нам стало известно, что испанский министр переговорил с французским правительством, а тот — с генералом Ногесом (представителем Франции в Марокко — французская зона), и последний отклонил принятие какого-либо соглашения в отношении этого сложного проекта. Мсье Эрриот пригрозил самыми худшими репрессиями, в случае если Испания придёт к соглашению, которое он считал безрассудством». В заключение Аллаль эль Фасси пишет: «Испанское правительство предоставило свои устные извинения нашей делегации по той причине, что не может объявить независимость Марокко при сложившихся обстоятельствах, и просила нашу делегацию МКД принять сумму в 40 млн песет для организации пропаганды в пользу испанской демократии. Кроме того, было обещано, что после триумфа Республики будут предприняты действия в пользу Марокко (...). Наша делегация почувствовала себя обиженной по причине такого низкого предложения и в знак протеста покинула зал переговоров»¹⁵⁰.

С того момента испанская революция попадала в осаду.

Версия #1

Зверобой создал 23 июля 2025 16:33:42

Зверобой обновил 23 июля 2025 16:40:14